

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО ЛЕЙБЪ-ЕГЕРЯ.

ВЕЛИКІЙ князь Михаилъ Павловичъ слылъ между людьми, его не знавшими, за человѣка крайне суроваго и сердитаго. Такой отзывъ о немъ нерѣдко приходится слышать и теперь. Время его представляется чѣмъ-то ужаснымъ, самъ онъ какимъ-то звѣремъ, гнетущимъ гвардейскій корпусъ, которымъ онъ командовалъ. Между тѣмъ ничего подобнаго не было. Хотя и крайне взыскательный, великій князь былъ образцомъ чести, доброты и снисхожденія. Онъ никогда не простилъ бы обмана, но явно показывалъ, признательность откровенности — бывало распе-четъ сильно, посадить на гауптвахту, но всегда безъ особенныхъ послѣдствій. За шесть лѣтъ моеѣ службы въ гвардіи, я не при-помню, чтобы онъ кого нибудь сдѣлалъ несчастнымъ; всѣ его боя-лись: итти на смотръ къ великому князю, съ нимъ встрѣтиться надо было, какъ говорится, осмотрѣвшись. Зоркій до невѣроятія, онъ замѣтитъ и пуговицу, случайно пришитую головами орла внизъ; издали, бывало, завидишь его большую треугольную шляпу съ чернымъ султаномъ въ видѣ ёлочки — отляжетъ отъ сердца, когда вовремя успѣешь спустить шинель съ плеча, приложить руку къ шляпѣ и спокойно вынести этотъ взглядъ, разомъ окидывав-шій съ головы до ногъ, и когда почувствуешь возможность про-должать путь. Но и при такомъ, казалось, благополучномъ исходѣ встрѣчи нельзя было считать ее законченною; великій князь, иногда на другой или третій день, при собраніи у него полковыхъ коман-дировъ, дежурныхъ адъютантовъ и представляющихся, вспомянувъ встрѣченную несправность, передавалъ командиру полка, въ ко-

торомъ служилъ встрѣтившійся, прибавляя слова: «ты съ него взыщи». При собраніяхъ этихъ, которыя бывали не одинъ разъ въ недѣлю въ пріемной, возлѣ кабинета великаго князя, слышались и замѣчанія, и строжайшія наставленія, и веселые рассказы, и шутки отличавшагося замѣчательнымъ остроуміемъ великаго князя.

Когда припоминаешь добродушное выраженіе лица его, старавшагося имѣть видъ суроваго, приходишь къ убѣжденію, что въ самыя страшныя минуты его раздраженія онъ не сердился, а если сердился дѣйствительно, то очень рѣдко. Онъ старался показаться разсерженнымъ, но на сердцѣ у него было несомнѣнно свѣтло, да и врядъ ли могло быть иначе при его добротѣ.

Эту легендарную суровость, жестокосердіе и строгость великаго князя можно опредѣлить такими словами: «онъ шумѣлъ, но не сердился». Думаю, что послѣдующіе мои рассказы фактически подтвердятъ мною сказанное.

Великій князь Михаилъ Павловичъ любилъ быть веселымъ, любилъ заставить смѣяться: остроты его разносились по городу съ быстротою молніи, каламбуры его поражали своею мѣткою двусмысленностью; смѣлость, съ которою каждый офицеръ, въ случаѣ невзгоды, могъ къ нему обратиться, доказываетъ его доброе сердце. Хотя я намѣренъ описывать только то, что самъ лично видѣлъ, но для болѣе яснаго обрисованія характера Михаила Павловича позволю себѣ рассказать кое-что и слышанное.

Рассказывали, что офицеръ одного кавалерійскаго полка вечеромъ пріѣзжаетъ къ великому князю и передаетъ объ отчаяніи своего товарища вслѣдствіе неудачной любви. «Родители любимой имъ дѣвушки не соглашаются выдать за него дочь». Офицеръ проситъ великаго князя помочь влюбленному, готовому лишиться себя жизни. Великій князь на другой же день заявилъ себя сватомъ молодого человѣка, и родители дѣвушки, конечно, на свадьбу согласились.

Артиллерійскій офицеръ, впослѣдствіи полицеймейстеръ одного губернскаго города, полковникъ И....ъ лично рассказывалъ мнѣ, что, бывши казначеемъ, кажется, бригады, онъ проигралъ какую-то сумму казенныхъ денегъ и съ чистосердечнымъ раскаяніемъ прямо поѣхалъ и сознался великому князю. Спокойно выслушавъ и жестоко распекиши, великій князь далъ ему проигранную сумму для взноса въ сундукъ, обѣщавъ за нимъ слѣдить, грозя строгимъ, при неисправленіи, наказаніемъ. Понятно, И. велъ себя безукоризненно, въ карты болѣе не игралъ и чуть ли не былъ опредѣленъ въ штабъ фельдцейхмейстера.

Самъ любя шутить остро, великій князь не сердился, если кто острилъ и надъ нимъ. Не буду рассказывать массу анекдотовъ про извѣстнаго остроуміемъ и смѣлостію Булгакова, офицера Мо-

сковскаго полка; описаніе его продѣлокъ можетъ занять цѣлую книжку, но для доказательства мною сказаннаго, что великій князь не сердился, когда пошутятъ и съ нимъ, изложу, что лично передавалъ мнѣ покойный лейбъ-уланъ Я. Н. Волковъ, тоже немалый шалунъ.

Многіе, особенно Волковъ и Зборомирскій, любили ходить по Театральной улицѣ, что за Александринскимъ театромъ, извѣстной между молодежью того времени подъ названіемъ «улицы любви».

Однажды, въ театрѣ, подходитъ къ Волкову адъютантъ великаго князя, князь Волконскій, и говоритъ: «Его высочество поручилъ вамъ сказать, что вы шалопайничаете (слово, употребляемое Михаиломъ Павловичемъ, когда онъ хотѣлъ опредѣлить ничего не дѣлающаго человѣка), ничего не дѣлаете и только таскаетесь по улицѣ любви! Великій князь постоянно васъ тамъ встрѣчаетъ». — «Доложите великому князю, — отвѣтилъ Волковъ, — что онъ, стало быть, самъ по ней часто ѣздитъ, если часто меня встрѣчаетъ, а у него побольше моего дѣла». Такой отвѣтъ заставилъ только посмѣяться добраго начальника.

При представленіяхъ, великій князь любилъ сказать что нибудь острое, въ полной увѣренности, что сказанное немедленно разнесется по городу; особенно трунилъ онъ надъ штабъ-докторомъ Наумовичемъ, въ которомъ находилъ сходство съ Наполеономъ I, для чего иногда и просилъ его надѣть треугольную шляпу à la Napoléon и въ профиль указывалъ на сходство. Однажды, при мнѣ, послѣ смотра, на которомъ сильно расшибся упавшій съ лошади генералъ Анрепъ, великій князь спросилъ Наумовича о здоровьѣ генерала и чѣмъ его лѣчатъ. Съ точностью докторъ сталъ перечислять употребляемые средства, но великій князь далъ совѣтъ употребить, не помню, какое-то самое простое лѣкарство; совѣтъ великаго князя заставилъ доктора улыбнуться; на улыбку его великій князь сказалъ: «Ну, что ты смѣешься, у васъ, эскулаповъ, что не воняетъ, то и не лѣчитъ».

Мнѣ рассказывали, что какъ-то разъ адъютанты великаго князя потихоньку сунули въ карманъ доктора табакерку съ музыкой. Великій князь слушаетъ, всѣ глядятъ другъ на друга, не могутъ понять, откуда льются звуки; наконецъ секретъ открывается, докторъ вызывается на середину залы, и при общемъ смѣхѣ изъ его кармана вынимаютъ табакерку. Понятно, что ни великій князь, ни докторъ не разсердились, но адъютантамъ потомъ досталось.

Рассказывали, что однажды, выйдя въ пріемную, астрономъ Струве съ непривычки сконфузился. Великій князь, желая ободрить ученаго, сказалъ ему: «Вы сконфузились, Струве; это понятно. Вы поражены, увидя массу звѣздъ не на своемъ мѣстѣ!»

Въ гвардіи было заведено, что баталіонные въ полкахъ адъютанты дежурили по пожарамъ; ихъ же обязанность была въ тече-

ше дежурнаго времени ѣздить и за приказаніями къ корпусному командиру, что бывало 2 и 3 раза въ недѣлю. Дежурили мы, каждый адъютантъ, 2 недѣли въ мѣсяцъ; въ Егерскомъ полку насъ было двое, ѣздившихъ за приказаніями; такимъ образомъ я имѣлъ счастье нерѣдко бывать въ приемной великаго князя. Въ теченіе тѣхъ же двухъ недѣль обязанность моя была доносить и о пожарахъ, днемъ ли они случались, или ночью — все равно; о пожарѣ полкъ извѣщалъ адъютанта, и этотъ обязанъ былъ ѣхать доносить корпусному командиру и цесаревичу Александру Николаевичу, бывшему командиромъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, а также начальнику штаба и начальнику дивизіи; къ первому я никогда не ѣздилъ, а у второго былъ раза два, не донести же великому князю и цесаревичу было рискованно. Однажды, это было въ началѣ ноября, у командира полка нашего былъ семейный праздникъ; по приглашенію, приѣзжаю и я, здороваюсь съ хозяиномъ, онъ объявляетъ мнѣ, что, потанцевавъ сегодня, утромъ я долженъ отправиться на гауптвахту за недонесеніе великому князю о бывшемъ наканунѣ пожарѣ. Я началъ увѣрять, что пожара не было. Тогда баронъ Соловьевъ (командиръ полка) говоритъ мнѣ: «Сегодня утромъ былъ я у великаго князя. Его величество мнѣ рассказывалъ, что онъ сидѣлъ у графини Барановой, старушка была взволнована бывшимъ въ сосѣдствѣ пожаромъ; не имѣя донесенія, великій князь увѣрялъ графиню, что пожара не было; вернувшись же домой, узналъ, что пожаръ былъ, но донесенія не было, а дежурный вы». — «Баба знаетъ, а корпусный командиръ не знаетъ, — сказалъ мнѣ великій князь: — адъютанта на гауптвахту до 8-го ноября» (дня именинъ великаго князя). Я по совѣсти былъ правъ, виноватымъ оказался фельдфебель, не уведомившій меня о пожарѣ; но я высидѣлъ положенный срокъ на гауптвахтѣ.

Однажды, къ 10, кажется, часамъ утра, надо было приѣхать за приказаніями къ великому князю для узнанія, состоится или нѣтъ на тотъ день назначенный парадъ. Полкъ выступилъ изъ казармъ; я ѣду рядомъ съ полковымъ командиромъ и говорю ему, что мнѣ пора ѣхать, но на этотъ разъ бесѣда моя, должно быть, особенно полюбилась барону Соловьеву, и до Чернышева моста онъ не отпустилъ меня, говоря: «успѣешь»; наконецъ, на Чернышевомъ мосту и начальническое «успѣешь» меня не удержало — я далъ шпоры лошади и поскакалъ во дворецъ.

Вхожу; меня всѣ встрѣчаютъ возгласами (какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ): «что вы?! помилюйте! да вотъ вамъ задастъ великій князь! всѣ собрались, васъ однихъ ждутъ! ну, вотъ погодите!» Нечего дѣлать, пройдя черезъ строй посулъ, я сталъ на свое мѣсто возлѣ измайловскаго адъютанта; отворяется дверь кабинета — въ сюртукѣ волынскаго полка безъ эполетъ выходитъ Михаилъ Павловичъ съ вопросомъ: «Егерскій адъютантъ приѣхалъ?»

Десятки голосовъ отвѣтили разомъ: «Пріѣхаль». «Скажите, что парадъ будетъ». И больше ничего, ни малѣйшаго замѣчанія; вѣроятно, онъ зналъ пытку, которая выдерживается опоздавшимъ.

При донесеніяхъ о пожарахъ, ночью, у Михаила Павловича бывало только скажешь о пожарѣ старику унтеръ-офицеру, бывшему при комнатахъ, предоставляя на его волю, будить или нѣтъ великаго князя. При большемъ же пожарѣ, въ родѣ, напримѣръ, бывшего въ Пустомъ рынокѣ, на который несомнѣнно ожидается государь, прикажешь разбудить непременно.

При послѣднемъ донесеніи, мнѣ пришлось настаивать, чтобы великій князь былъ разбуженъ. Старику унтеру этого крайне не хотѣлось. «Усталъ, — говоритъ, — онъ мой родной», но исполнить все-таки было надо; возвратясь изъ спальни, старикъ говоритъ мнѣ: «разбудилъ». «Охъ, — сказалъ Михаилъ Павловичъ, — тяжело мнѣ это».

Великій князь, какъ онъ выразился однажды самъ, очень уважалъ моего дядю, покойнаго Павла Степановича Карцева, бывшего командира Преображенскаго баталіона. Дѣйствительно, онъ былъ человѣкъ очень хорошій, строго понимавшій исполненіе долга. Про него рассказываютъ такой случай. Однажды крѣпостной человѣкъ одного изъ офицеровъ, проходя по двору Преображенскаго полка, не снялъ передъ дядей шапки. Какъ строжайшій блюститель дисциплины, дядя мой велѣлъ его высѣчь. Владѣлецъ наказаннаго обидѣлся и, придя къ дядѣ, выразилъ претензію за произведенное его человѣку наказаніе. Дядя, большею частью всѣмъ говорившій «ты», отвѣчаетъ обиженному: «Только-то?! Я думалъ, что ты пришелъ мнѣ сказать о чемъ нибудь серіозномъ! Э! братецъ, да ты возьми и высѣки моихъ всѣхъ за провинность, я слова не скажу». Вскорѣ послѣ его смерти я испыталъ на себѣ память уваженія къ его строгости. Дѣло было такъ. Бывши офицеромъ 21 года отъ роду, я по поводу одного обстоятельства, единственно изъ рыцарства, написалъ одному господину, не сдержавшему своего честнаго слова, рѣзкую записку. Въмѣсто требованія, принятаго въ наше время, удовлетворенія, онъ настолько былъ мелокъ, что подалъ на меня жалобу въ полицію. Вслѣдствіе того, по закону, я долженъ былъ просить у него въ присутствіи, при открытыхъ дверяхъ, прощенія, что, конечно, въ мундирѣ я сдѣлать не хотѣлъ и рѣшился выйти въ отставку. При этомъ не могу не вспомнить уважаемыхъ моихъ товарищей, которые, не желая моего выхода изъ полка, говорили обо мнѣ съ полковымъ командиромъ и просили принять во мнѣ участіе, но баронъ Соловьевъ этого сдѣлать не могъ. Рѣшено было, что я поѣду просить оберъ-полицеймейстера Кокошкина, тѣмъ болѣе, что, по школѣ, я былъ товарищемъ сыновей его, а онъ уважалъ моего дядю. Въ полной походной формѣ, весь въ пыли—прямо изъ лагеря, утромъ, подѣзжаю я къ дому оберъ-полицеймейстера на углу Сергіевской и Гагаринской.

Сергѣй Александровичъ,—такъ звали Кокошкина,—очень строго меня принимаетъ и по поводу моей горячности дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе. Я прошу; ничего не помогаетъ. Тогда пускается въ ходъ память о дядѣ. Кокошкинъ отвѣчаетъ, что именно въ память-то дяди, въ память его къ нему уваженія, онъ для меня ничего не сдѣлаетъ. «Горячиться нельзя, и вашъ дядюшка васъ никогда бы не простилъ за неуваженіе къ человѣку. Вы должны быть наказаны». Нечего дѣлать,—заявляю,—что я долженъ выйти въ отставку, если надо просить прощенія при открытыхъ дверяхъ, и уѣзжаю, крайне разстроенный за матушку, которую отставка моя не могла не огорчить сильно.

Кончился лагерь, во все время котораго тянулась переписка по моему дѣлу; однажды, является ко мнѣ вовсе незнакомый частный приставъ и, высказывая ко мнѣ сочувствіе, указываетъ на возможность примиренія, ежели я заплачу обиженному 200 рублей. Понятно, предложеніе было принято съ удовольствіемъ; одинъ изъ моихъ товарищей, въ моемъ присутствіи, какъ бы посредникъ, въ камерѣ слѣдственнаго пристава передалъ въ руки обиженного, не бѣднаго человѣка, 300 рублей, а тотъ передалъ мнѣ мою записку.

Оказалось впоследствии, что все это устроилъ генераль Кокошкинъ, не желавшій, чтобы я испортилъ свою карьеру. Онъ поручилъ частному приставу уладить мое дѣло, оставшись въ глазахъ моихъ непреклонно строгимъ преслѣдователемъ раздражительной пылкости молодого человѣка.

Въ 1840 году мальчики отъ 13 до 15 лѣтъ, въ числѣ около 50 человѣкъ, поступившіе въ юнкерскую школу, собрались въ извѣстный день въ Михайловскій дворецъ, подъ предводительствомъ уважаемаго начальника нашего, генераль-лейтенанта Константина Антоновича Шлиппенбаха, для представленія Михаилу Павловичу. Собранные—кто съ борка, кто съ сосенки—въ разнаго рода костюмахъ: кто въ курточкѣ, кто въ полуфрачкѣ, кто въ сюртучкѣ, мы съ трепетомъ ожидали выхода великаго князя.

Наконецъ, дверь кабинета открывается; великій князь выходитъ насупившись и сердито обходить ряды наши, выслушивая фамиліи, называемыя генераломъ Шлиппенбахомъ. Дойдя до меня, спрашиваетъ: «Павелъ Степановичъ тебѣ родня?»—«Точно такъ», отвѣчаю я. Шлиппенбахъ подтверждаетъ. Великій князь говоритъ: «да, рѣдкій былъ командиръ!» Затѣмъ, окончивъ обходъ малолѣтнихъ рядовъ нашихъ, великій князь вышелъ на средину комнаты и, съ веселымъ лицомъ указавъ на насъ множеству представлявшихся, сказалъ: «это моя національная гвардія!» Затѣмъ, опять нахмурился, пристально, долго глядѣлъ на насъ, отъ страха переминающихся съ ноги на ногу, и вдругъ закричалъ, топнувъ ногою: «вонъ, уроды!» Предоставляю читателю судить, что мы почувствовали при этихъ словахъ; мы бросились бѣжать въ разсыпную, и не знаю, кто куда

бы попалъ, еслибы опытный директоръ, генералъ Шлиппенбахъ, словами: «дѣти, дѣти, ко мнѣ», не направилъ насъ въ кабинетъ, куда дверь была отворена. Я ничего не видѣлъ, но другіе видѣли, какъ улыбался великій князь, глядя на бѣгущихъ. Генералъ Шлиппенбахъ насъ остановилъ въ кабинетѣ, сталъ показывать картины, бюсты и въ порядкѣ чрезъ коридоръ провелъ въ швейцарскую; съ этого момента мы могли уже называться «подпрапорщиками школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ». Передъ выпускомъ моимъ изъ школы въ офицеры у меня появились вередъ; докторъ Мейеръ рѣзалъ ихъ немилосерднымъ образомъ, безъ всякаго результата. Однажды пріѣзжаетъ начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцовъ, спрашиваетъ меня о здоровьѣ; затѣмъ, по его ли донесенію, или случайно, но на другой день пріѣзжаетъ великій князь и прямо подходитъ къ моей койкѣ. Съ отеческою заботливостью онъ разспрашиваетъ, насколько я страдаю, есть ли у меня родные, и т. п. Узнавъ, что матушка моя живетъ здѣсь, великій князь, несмотря на продолжавшіеся выпускные экзамены, которыхъ я никакимъ образомъ держать не могъ, велѣлъ дать знать моей матушкѣ, что, если она желаетъ, то можетъ меня взять, прибавивъ, что перевезти меня надо непременно въ каретѣ. Въ то время я радовался только возможности ѣхать домой, теперь же выступаютъ слезы, когда вспомню заботливое отношеніе великаго князя къ подпрапорщику, ничѣмъ себя не заявившему.

Дома, благодаря доктору Григоровичу, я скоро поправился и безъ экзамена былъ произведенъ въ офицеры въ 1844 г. Служба службой, дружба дружбой,—вотъ принципъ, которымъ руководился великій князь. Добрый, внимательный, любезный и простой въ частныхъ отношеніяхъ, онъ былъ крайне взыскателенъ по службѣ.

Впрочемъ, я не имѣю права сказать, чтобы великій князь былъ всегда взыскателенъ и по службѣ. Нѣтъ! два раза онъ показалъ мнѣ свою снисходительность и понимаше, что есть ошибки, которыхъ замѣчать не слѣдуетъ, чтобы не быть вынужденнымъ наказывать невиннаго. Наканунѣ зимняго смотра, я принесъ во дворецъ знамя нашего 2-го баталіона и внесъ его въ швейцарскую комендантскаго подъѣзда. Я держалъ знамя въ правой рукѣ, пока знаменщикъ снималъ рукавицы и чистился, чтобы итти на верхъ. Въ это время вошелъ мой товарищъ по школѣ, флигель-адъютантъ Стюрлеръ, и заговорилъ со мной. Во время разговора мнѣ показалось, что знаменщикъ беретъ отъ меня знамя, и я выпустилъ его изъ рукъ. Знамя упало, и при этомъ у него отломился орелъ. Не подымая его и не двигаясь съ мѣста, я попросилъ Стюрлера вызвать дежурнаго плацъ-адъютанта. Тотъ является и приходитъ въ ужасъ: «Ахъ, ахъ! что дѣлать?»—«Надо доложить коменданту»,—говорю я. Комендантъ высылаетъ сказать, чтобы знамя какъ нибудь починили.

Беру орла въ руки и обыкновеннымъ порядкомъ иду на верхъ и ставлю знамя на свое мѣсто, въ портретную галерею. Но какимъ образомъ его починить?

Опытный дежурный унтеръ-офицеръ дворцовой (золотой) роты вызвался все устроить и починить знамя къ 9 часамъ вечера. Ёду къ полковому командиру, заявляю о происшедшемъ и получаю отвѣтъ: «Вѣчно ты что нибудь нашалишь!» Какъ я ни увѣрялъ генерала, что и въ дѣтствѣ шалить не умѣлъ, но онъ почему-то этому плохо вѣрилъ. Въ 9 часовъ вечера пріѣзжаю во дворецъ—вхожу, вижу, знамя готово. На другой день оно было на парадѣ, а унтеръ-офицеръ золотой роты—съ 10-ти-рублевой бумажкой. Великому князю обо всемъ этомъ было доложено изъ комендантскаго управленія, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

Въ другой разъ, ставя, по званію жалонерскаго офицера, на Царицыномъ лугу жалонеровъ для парада, когда войска еще не пришли,—я курилъ папиросу. Вдругъ скачетъ адъютантъ великаго князя: «Что вы дѣлаете? Великій князь съ балкона васъ увидѣлъ курящимъ и послалъ меня сдѣлать вамъ замѣчаніе!» Я бросилъ папиросу и опасался какихъ нибудь послѣдствій, но ихъ не было.

Однажды, весной, я стоялъ въ караулѣ на Сенатской гауптвахтѣ. Утро было прелестное; не спалось, и я вышелъ погулять на платформу. Погулявъ и ничего не подозрѣвая, я пошелъ пить чай, въ свое время смѣнился и благополучно отвелъ караулы.

На другой день полковой командиръ благодаритъ меня за мою исправность. Оказывается, что въ то время, когда я ходилъ по платформѣ, великій князь гулялъ около Исаакіевского собора, видѣлъ меня исправнымъ и велѣлъ сказать: «спасибо».

Самъ всегда строгій въ исполненіи обязанностей, великій князь требовалъ, чтобы безпрекословно исполнялись и такія обязанности, которыя, вѣроятно, не согласовались съ его взглядами на дисциплину.

Въ маскарадахъ, гдѣ почти каждый разъ бывалъ кто нибудь изъ царской фамиліи, намъ приказано было держать себя такъ, чтобы, при встрѣчахъ съ высочайшими особами, дѣлать видъ, что ихъ не узнали.

Однажды, сидя съ маской у окошка гостиной Дворянскаго собранія, я преспокойно развалился и, опершись на окно всей рукой, поддерживалъ голову. Вдругъ идетъ великій князь, тоже съ маской, и садится противъ меня! Что дѣлать? чувствую свое неловкое положеніе—сизу, не смѣю двинуться; великій князь видитъ это, и, посидѣвъ минутъ пять, всталъ и ушелъ, не сдѣлавъ мнѣ ни малѣйшаго замѣчанія.

Великій князь, кромѣ самыхъ уважаемыхъ причинъ, никогда никому не разрѣшалъ отпусковъ на лѣто.

Съ 1836 года (9 лѣтъ) не бывъ дома, не выдавъ отца, мнѣ крайне хотѣлось съѣздить на лѣто въ мое дорогое Васильевское!

Въ 1845 году я обратился къ уважаемому всѣми, и мною въ особенности, доктору А. П. Григоровичу: «Такъ и такъ, говорю, боленъ! и грудь, и то, и се болитъ!»—«Знаю,—смѣется онъ,—хорошо, свидѣтельство напишу»,—и написалъ.

Пошло свидѣтельство по командѣ, требуютъ меня въ корпусный штабъ для освидѣтельствованія; ѣду—строго-настрого осмотрѣли меня корпусные доктора, Шерингъ и Пшесмыцкій, постучали, послушали; «хорошо, говорятъ, увѣдомимъ». И точно, черезъ нѣсколько времени получаю приказаніе, въ такой-то день и часть явиться къ лейбъ-медику баронету Вилліе, жившему въ своемъ домѣ, который теперь принадлежитъ вдовѣ профессора Боткина, на углу Галерной.

Являюсь аккуратно въ назначенное время. Облокотившись на столъ, стоитъ благообразный баронетъ, застегнутый на всѣ пуговицы докторскаго скюртука.

— Ну, что батюшка, чѣмъ ты боленъ? (Вилліе всѣмъ говоритъ «ты»).

— Тѣмъ-то и тѣмъ-то, ваше превосходительство, — отвѣчаю я, повторяя наизусть свидѣтельство А. П. Григоровича.

— Да, жалко!—говоритъ баронетъ:—кабы я былъ такъ боленъ, какъ ты, былъ бы очень доволенъ. Хорошо, мы о тебѣ подумаемъ.

Осталось раскланяться и уйти.

Затѣмъ вышелъ по гвардейскому корпусу приказъ (вѣроятно, и сейчасъ его можно найти въ полку), гдѣ разрѣшалось уволить того-то за болѣзнью туда-то, того туда, а лейбъ-гвардіи егерскаго полка прапорщику Карцову приказывалось пользоваться молочною діэтою при полку и съ исправленіемъ должности.

Вотъ какія были суровыя времена!

Покойный государь императоръ Александръ Николаевичъ, — въ то время наслѣдникъ цесаревичъ, командиръ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса,—состоялъ подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, и, въ случаяхъ неудавшейся какой нибудь репетиціи, былъ всегда встревоженъ боязнью навлечь неудовольствіе своего начальника. Такое подчиненіе, разумѣется, внушало и намъ особенное желаніе поддержать ближайшаго своего начальника. «Какъ я васъ представлю великому князю!»—такими словами иногда бывалъ вынужденъ цесаревичъ заканчивать репетицію. Мы подбодрялись и представлялись великому князю въ томъ видѣ, который успокаивалъ цесаревича.

Это было время, когда мы всѣ, можно сказать, дышали однимъ воздухомъ, когда спокойствіе нашихъ начальниковъ было для насъ дорого. Несомнѣнно, видѣли это и начальники, почему снисходительно относились къ шалостямъ нашимъ.

Мы строго берегли честь мундира нашего, но и въ немъ не отказывались пошалить, когда этого требовали наши дѣта.

Однажды, на маневрахъ, цесаревичъ подѣхалъ къ отдыхавшему баталіону нашему и предложилъ офицерамъ завтракъ; пока я слѣзалъ съ лошади и отдавалъ ее за фронтъ, офицеры уже успѣли сгруппироваться около завтрака на барабанахъ; подойдя, вижу соблазнительныя яства и не менѣе соблазнительныя питія въ разнаго фасона бутылкахъ. Пробираюсь на этотъ разъ къ не оглушительнымъ, но привѣтливымъ барабанамъ, слышу, мой баталіонный командиръ,—впослѣдствіи комендантъ Царскаго Села, генераль отъ инфантеріи, въ то время полковникъ,—П. А. Степановъ, мнѣ говорить: «попробуй, въ той вонъ бутылкѣ,—какой славный сотернъ!» Понимая, что бѣлое вино знатоками пьется изъ стакановъ, я, въ виду цесаревича, смѣло налилъ стаканъ, подношу, чтобы выпить—и, о ужасъ, въ стаканѣ водка! Полковникъ надо мной подшутилъ! Я сталъ втупикъ. Что дѣлать?—наливши, не пить невѣжливо, выпить зазорно, а хочется! Цесаревичъ, съ стаканомъ въ рукѣ, на меня смотритъ и видимо интересуется, чѣмъ я кончу. Недолго думая, я разомъ осушилъ стаканъ; чтобы не сконфузить молодого человѣка, его высочество отвернулся съ своею добродушною улыбкой. Онъ не хотѣлъ замѣтить, что молодой офицеръ,—понятно, не отъ пьянства, а изъ шалости,—выпилъ стаканъ водки; не хотѣлъ придать этому никакого значенія, а вскорѣ, послѣ маневровъ, сдѣлалъ мнѣ строжайшій по гвардейскому пѣхотному корпусу выговоръ за то, что я, стоя въ караулѣ у Нарвскихъ воротъ, въ день проѣзда въ Нарву государя императора, въ рапортѣ о проѣздѣ его величества съ графомъ Орловымъ, не обозначилъ званія послѣдняго, то-есть не назвалъ его генераль-адъютантомъ.

Вотъ какъ насъ приучали быть внимательными къ исполненію обязанностей нашихъ.

Помню одно егерское ученіе на Царицыномъ лугу, когда государь Николай Павловичъ сдѣлалъ замѣчаніе ротному командиру Толмачеву за неправильное построеніе. Толмачевъ имѣлъ неосторожность отвѣтить: «такъ въ уставѣ, ваше императорское величество».—«Я вамъ уставъ!»—закричалъ государь. Приказанія государя отличались краткостью. Мнѣ случилось на маневрахъ доносить его величеству, что полкъ нашъ, выходя изъ лѣсу, наткнулся на цѣлую гренадерскую дивизію. Государь, еще не допустивъ меня до него доѣхать, спросилъ своимъ громкимъ голосомъ: «что случилось?» Я объяснилъ наше положеніе, государь спрашиваетъ: «артиллерія у васъ есть?»—«4 орудія»,—отвѣчаю я.—«Скажи, говоритъ государь, барону Соловьеву, что егерскій полкъ въ лѣсу съ 4-мя орудіями можетъ держаться противъ дивизіи». Дальнѣйшихъ объясненій ожидать было нечего, и я поѣхалъ къ нашему стратегу Всеволоду Николаевичу: «Вотъ, говорю я, ваше превосходительство, что сказалъ государь императоръ».—«Да, хорошо государю говорить,—сказалъ Соловьевъ,—подержался бы самъ.

Огородниковъ (полковой штабъ-горнистъ), дай трубку». Любимой трубкой заканчивались всегда стратегическія соображенія нашего командира.

Въ маскарадахъ, хотя намъ и не приказано было беспокоить государя отданіемъ каждый разъ чести, но одно обаяніе, что императоръ Николай въ залѣ, уже давало себя чувствовать. Во всемъ въ немъ, въ его взглядѣ, было что-то магическое. Я помню, однажды, въ Петергофѣ государь шелъ изъ дворца послѣ крестинъ одного изъ великихъ князей; мы шли за нимъ; въ аркѣ стояла дама, вся черномъ! Государь только взглянулъ на нее, и она à la lettre присѣла.

Покойный флигель-адъютантъ его, Н. Д. Чебышевъ, рассказывалъ мнѣ, что однажды государь послалъ его на югъ разобратъ подъ рукой какое-то дѣло, которое ему представлялось въ различныхъ видахъ, при чемъ приказалъ Чебышеву не говорить, куда ѣдетъ, даже въ главной квартирѣ. Такъ, конечно, Чебышевъ и сдѣлалъ; даже жена его не знала, куда мужъ поѣхалъ. Возвратясь, Чебышевъ явился прямо во дворецъ съ донесеніемъ. Государь его принялъ, сидя на столѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, и, по окончаніи доклада, сказалъ: «видишь, Чебышевъ, людей нѣтъ!»

Николай Павловичъ не прочь былъ выслушать шутку, но она должна была быть очень обдумана. Однажды, на маневрахъ, подъѣзжаетъ онъ къ измайловскому доктору Григоровичу и говоритъ ему:

— А что, Григоровичъ, какъ ты мнѣ посоветуешь поступить съ такими-то мнѣ прописанными Арендтомъ пилюлями? Онъ совѣтуетъ принимать по одной утромъ и вечеромъ.

Антигомеопатъ Григоровичъ отвѣчаетъ государю:

— Извольте скушать хоть всю коробочку, ваше величество, вреда не будетъ!

Это, конечно, заставило государя засмѣяться.

Государь однажды говоритъ барону Соловьеву:

— Отдай мнѣ въ дворцовую роту своего Пащенко.

Пащенко былъ храбрый, бравый знаменщикъ 1-го баталіона, но горькій пьяница.

— Извольте, ваше величество,— отвѣтилъ Соловьевъ,— но Пащенко горькій пьяница!

— Ничего,—говоритъ государь,—у меня пить перестанетъ.

Отправили Пащенко въ дворцовую роту; черезъ недолгое время государь говоритъ Соловьеву:

— Ну, баронъ, ты правъ! Пащенко я отправилъ въ армію — представъ, пьяный онъ откусилъ палецъ товарищу.

Одинъ разъ мнѣ случилось видѣть нетерпѣніе государя. Въ цѣпи нашей, кажется, противъ преображенцевъ, въ виду государя, солдаты съ обѣихъ сторонъ разгорячились до такой степени, что

въ дула ружей стали класть камешки; ни звукъ отбоя, ни крики офицеровъ не могли удержать ихъ натиска другъ на друга.

Государь закричалъ и затѣмъ, не вытерпѣвъ, обнажилъ шпагу и полетѣлъ въ цѣпь. Конечно, все моментально утихло.

Императоръ Николай не смотрѣлъ на лицо, когда надо было искоренить зло. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого случая: я стоялъ въ караулѣ, на Сѣнной гауптвахтѣ; являются два чиновника управы благочинія и говорятъ, что для вынута изъ сундука управы хранящихся на гауптвахтѣ денегъ сейчасъ пріѣдетъ предсѣдатель Клевенскій. Назначаю ефрейтора, обязаннаго сличить привезенную печать со слѣпкомъ, висящимъ на стѣнѣ, надъ сундукомъ, и затѣмъ, согласно уставу, отношусь равнодушно къ тому, что есть въ сундукѣ, что въ него кладется и что изъ него вынимается—это не касается караульнаго офицера.

Подѣхалъ возокъ, изъ возка вышелъ предсѣдатель и съ чиновниками пошелъ дѣлать свое дѣло, а я остался на платформѣ. Войдя на минуту въ комнату, я видѣлъ ихъ всѣхъ троихъ у сундука и у нихъ въ рукахъ какія-то стриженныя бумаги. Вслѣдъ за тѣмъ они уѣхали.

Спустя нѣкоторое время, получаю предписаніе, подъ командой капитана Іозефовича, съ унтеръ-офицеромъ, ефрейторомъ и смѣной часовыхъ, стоявшихъ у сундука въ такой-то день, явиться въ ордонансъ-гаузъ. Являюсь и нахожу тамъ также смѣны 4-хъ полковъ; выходитъ аудиторъ, или что-то въ этомъ родѣ, насъ спрашиваетъ, кто что видѣлъ. Оказывается, что егеря видѣли только то, что я сказалъ выше.

Мы рассказали, что знали, и насъ отпустили.

Спустя годъ или полтора, въ 1848 году прихожу въ караулъ въ ордонансъ-гаузъ. Караульный офицеръ сдаетъ мнѣ двухъ арестованныхъ генераловъ: уважаемаго Костромой, Григорьева, вполнѣдствіи якутскаго губернатора, вполнѣ потомъ оправданнаго, обвиняемаго за превышеніе власти при костромскихъ пожарахъ въ 1847 году, и генерала Клевенскаго, обвиняемаго въ растратѣ чьихъ-то денегъ, пересылаемыхъ черезъ управу благочинія и хранившихся на сѣнной гауптвахтѣ.

И тотъ, и другой содержались чрезвычайно строго; даже караульный офицеръ не имѣлъ права гулять по гауптвахтѣ съ Григорьевымъ, а Клевенскаго могъ видѣть только черезъ окошечко въ двери.

Стало быть, чуть не сотни тысячъ унесли изъ-подъ моихъ глазъ, но зато виновные и были наказаны жестоко. Покойный государь шутить не любилъ.

Передъ нашимъ производствомъ въ офицеры, въ 1844 году, императоръ Николай Павловичъ, близъ Ижорки на Петергофской дорогѣ, сказалъ намъ слово, обѣщая свое отеческое покровительство

во всѣхъ случаяхъ нашей жизни. Государь говорилъ такъ почувствованно, что словами его нельзя было не быть тронутымъ до глубины души.

Не снимаемая мною запонки, изображающія Кульмскій крестъ, мнѣ всегда напоминаютъ вышеописанное блаженное время; онѣ носятся егерскими офицерами въ память Кульмскаго сраженія, въ которомъ участвовалъ егерскій полкъ. Запонки эти носилъ при егерскомъ мундирѣ и покойный императоръ Александръ Николаевичъ. Онѣ ихъ увидѣлъ на комендантѣ Царскаго Села, глубоко уважаемомъ, старѣйшемъ егерѣ, генералѣ-отъ-инфантеріи Петрѣ Александровичѣ Степановѣ, имѣвшемъ счастье ѣхать съ императоромъ на полковой нраздникъ, и, узнавъ, что запонки эти подарены генералу Степанову обществомъ офицеровъ полка, сказалъ:

— А шефа-то своего и забыли.

Понятно, что генералъ Степановъ слова государя передалъ полковому командиру, и на другой день, на обѣдѣ у государя, командиръ полка имѣлъ счастье поднести запонки его величеству отъ имени полка.

Г. В. Карцовъ.

